

гиперсовременности, «мира без души» [6, с. 146] как следствия техноторговой культуры с её радикальным нигилизмом важнейшую роль призвано сыграть искусство. Искусство, возвращённое к своей исконной и природной миссии – духовно-нравственного и эстетического ориентира человека и общества.

Необходимость и возможность возвращения к подлинному искусству с его иерархией ценностей и с его шедеврами диктуется озабоченностью гуманистически ориентированной творческой интеллигенции [см., например, 5, с.5-23], так и потребностями самого культурного мира.

Список литературы: 1.Клодель, П. Глаз слушает [Текст] / Поль Клодель; [пер. с фр. А.Ф.Кулиш]. – Х. : Фолио, 1995. – 246 с. 2.Маритен, Ж. Ответственность художника [Текст] / Маритен Ж.; [пер. с фр. С.С.Аверинцев и Р.А.Гальцева] // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М. : Политиздат, 1991. – С.171. 3.Ортега-и Гассет, Х. Тема нашего времени [Текст] / Ортега-и-Гассет Х.; [пер. с исп. В.Б. Библихин] // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М. : Политиздат, 1991. – С.264 - 267. 4.Ортега-и Гассет, Х. Восстание масс: Сб. [Текст] /Х. Ортега-и Гассет; [пер. с исп.]. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 509 с. 5.Galard, J. Une question capital pour l'esthétique [Text] / Jean Galard// Qu'est-ce qu'un chef-d'oeuvre ? – P. : Gallimard, 2004. – P. 5 - 23. 6.Lipovetsky, G., Serroy, J. La Culture - Monde. Réponse à une société désorientée / Gille Lipovetsky, Jean Serroy. – P. : Odile Jacob, 2008. – 224 p. 7.Rudhyar, D. Vers une conscience planétaire/ Dan Rudhyar. – P. : Edition du Rocher, 1996. – 367 p.

Поступила в редколлегию: 22. 10. 2009

Рецензент: канд. филос. наук, проф. М.С. Курочкина

УДК 130.2:133.4]: 821. 161.1.02.”19”

И.Б. УСТЮЖИН, старший преподаватель, ХНУ им. Каразина
**МЕЖДУ СИМВОЛИЗМОМ И ЭЗОТЕРИКОЙ: ПРОРОЧЕСТВА
М. ВОЛОШИНА О РЕВОЛЮЦИИ В СТИХОТВОРЕНИЯХ
«ГОЛОВА ПРИНЦЕССЫ ЛАМБАЛЬ» И «АНГЕЛ МЩЕНЬЯ»**

Стаття містить культурологічну інтерпретацію поезій М. Кірієнко-Волошина «Голова принцесси Ламбаль» та «Ангел Мщенья» (1906), поєднаних автором у міні-цикл про духовні перспективи російської революції. Виключно складні для об'єктивного аналізу, ці тексти дають уявлення про новий етап осмислення пророчої місії митця, пов'язаний із теургічними пошуками російського символізму. На прикладі цих пошуків можна побачити, як культура – у ситуації радикальної протидії механічній цивілізації – опановує сфери ірраціонального знання, претендуючи на роль провідника у світі релігійних смислів. Спроба Волошина застерегти сучасників та «заклясти» демонів російської історії простежується у статті як одна з найпосплідовніших стратегій російських поетів на ниві міфо- та життєтворчості.

Ключові слова: цивілізація, культура, символізм, цикл, теургия, пророцтво.

Статья содержит культурологическую интерпретацию стихотворений М. А. Кириенко-Волошина «Голова принцессы Ламбаль» и «Ангел Мщенья» (1906), объединенных автором в мини-цикл о

духовных перспективах русской революции. Крайне трудные для объективного анализа, эти тексты дают представление о новом этапе в осмыслении пророческой миссии поэта, связанном с теургическими исканиями русского символизма. На их примере можно увидеть, как культура – в ситуации радикального противодействия механической цивилизации – осваивает области иррационального знания, претендуя на роль проводника в мире религиозных смыслов. Попытка Волошина предостеречь современников и «заклясть» демонов русской истории прочитывается в статье как одна из наиболее последовательных стратегий русских поэтов на поприще мифо- и жизне-творчества.

Ключевые слова: цивилизация, культура, символизм, цикл, теургия, пророчество.

The article analyzes Maximilian Volochine's verses *Princess Lamballe's Head* and *Angel of Revenge* (1906) that both speak about the perspectives of the Russian revolution. It is argued that in line with the theurgist quest launched by Russian Symbolists Volochine's verses demonstrate many prophetic features. *Princess Lamballe's Head* and *Angel of Revenge* show how *fin de siècle Kultur* challenges *Zivilisation* and boldly goes into the realm of Religion. It is argued that Volochine's attempt to warn his contemporaries and to enchant the demons of Russian history was one of the most consistent ones.

Keywords: *Kultur*, *Zivilisation* Symbolism, cycle, *theurgia*, prophesy.

Максимилиан Волошин – одна из знаковых фигур литературного модернизма, поэт и мыслитель, чье формирующее воздействие на русскую и мировую культуру еще далеко не осознано. Тексты этого автора, богатые литературными аллюзиями так же, как историческими параллелями и религиозными пророчествами, вызывают к прочтению в широком контексте интеллектуальных исканий современного человечества, определяя **актуальность** данного исследования. Особенного внимания заслуживают стихотворения периода русской революции 1905 года: крайне трудные для объективного анализа, они дают представление о новом этапе в осмыслении пророческой миссии художника. Культура XX века нашла в Волошине одного из своих диагностов и проповедников – вот почему подведение итогов эре катастроф требует диалогического усилия по прочтению его наследия. Анализируя «амфитеатровский» мини-цикл из двух эзотерических стихотворений 1906 г., мы ставим **целью** проследить логику поэта-теурга, исходя из общего контекста исканий русского модернизма, европейской философии и мистики. Разобраться в непростых перипетиях этой мысли – значит приблизиться к пониманию культурной миссии Волошина, выдающейся далеко за пределы литературы.

Часть I. Пророчество Культуры

Художник – это тот, для кого мир прозрачен, кто обладает взглядом ребенка, но во взгляде этом светится сознание зрелого человека; тот, кто роковым образом, даже независимо от себя, по самой природе своей, видит не один только *первый* [выделено Блоком

– У. И.] план мира, но и то, что скрыто за ним, ту неизвестную даль, которая для обыкновенного взора заслонена действительностью наивной; тот, наконец, кто слушает мировой оркестр и вторит ему, не фальшивя. А. Блок. Памяти Веры Комиссаржевской (1910) [5, 5, с.418].

В начале XX века, под прощальные аккорды эпохи *fin de siecle*, в Европе происходило окончательное размежевание цивилизации и культуры. После издания в 1887 г. книги Ф. Тённиса «*Gemeinschaft und Gesellschaft*» («Общины и общества») новая дихотомия с особенной четкостью прослеживалась в немецкоговорящем мире, где *Zivilisation* и по сей день призвана владеть материальной стороной жизни человека, *Kultur* же берет на себя заботу о его духовном благополучии – *возделывании* (лат. «*cultura*») злых по природе натур [41, с.617] (ср. Мф. 7:11).

Логичным продуктом развития цивилизаторской «теории прогресса» Жака Тюрго и ЖА Кондорсе в середине 19 века стал позитивизм – рациональное, плоскостное сознание, исключившее себя из жизни мыслящих миров. Отвергая метафизику (учение о сущности явлений) и умозрение как средство получения знаний, позитивисты утверждали, что абсолютно все явления и процессы в мире подчиняются законам, подобным законам механики, что (по Волошину) «мысль – Простой продукт пищеваренья мозга, Что бытие определяет дух, Что гений – вырождение, что культура – Увеличение числа потребностей, Что идеал – благополучие и сытость, Что есть единый мировой желудок, И нет иных богов, кроме него» («Машина», 1922).

Радикальная реакция культуры на торжествующий позитивизм проявилась в заимствовании культурой свойств религиозного культа – отсюда претензии, в частности, русского символизма, на «магизм» (В. Брюсов), «теургизм» (А. Белый), «люциферизм» (Ф. Сологуб), «тайновидение» (Вяч. Иванов) и пр., во многом подсказанные экстрасенсорными способностями художников, поэтов и музыкантов эпохи. Даром ясновидения, ясновыслушания и синестезии в той или иной степени обладали Ш. Бодлер, О. Редон, Вл. Соловьев, М. Врубель, А. Скрябин, А. Блок, А. Белый, Р. Штайнер, В. Кандинский, Е. Гуро, Б. Дикс, В. Комиссаржевская и другие выдающиеся деятели модерна. А поскольку в самосознании культуры начала века укоренилось со-общение с религией и даже претензия на роль альтернативной религии, культура рубежа смело пользовалась религиозной терминологией. Так, например, французский теософ, автор «Пророков Возрождения» (1919) Э. Шюре, заявлял, что

искусство в своей высшей мощи становится не только эстетическим, но и духовным посвящением [37, с.94], а сама культура – пророчествует. В наибольшей степени так было во время «великих Ясновидящих» Леонардо, Рафаэля, Микеланджело и Корреджо, сейчас же готовится новое Возрождение [37, с.94, 9].

Грядущего возрождения чаяли и русские символисты, объявившие теософию философией символизма, а теургию – его практикой (А. Белый, 1912 [цит. по: 33, 1, с.340], см. его же «Символизм», 1909). Показательно, что в кризисный 1910 год Вяч. Иванов, А. Блок и А. Белый попытались рационально (насколько это возможно в терминологии символизма) объяснить угасание своей школы и пришли к близким выводам. Наиболее четко по этому поводу высказался «Трагический тенор эпохи» в докладе «О современном состоянии русского символизма» [5, 5, с.425-436]. С основными положениями доклада Блока (о пророческой миссии поэта, о теургической задаче поэзии, наконец, о «золотом мече» – атрибуте рыцаря св. Софии: ср. [5, 5, с.450]), вероятно, согласился бы и «пропариженный» М. Волошин. «По долгу службы и подолгу времени» находясь во Франции, и он чувствовал личную ответственность за происходящее с Россией, и он зачастую «из мрака Ада выводил свои образы» [5, 5, с.434], и он полагал, что «прямая обязанность художника – показывать, а не доказывать» [5, 5, с.425] (ср. [8, с.154]), и он называл символиста «не творцом, а читателем – произведения ли или мира – все равно» [8, с.158].

Часть II. Пророк и Мститель, Лед и Пламень

Крайности сходятся.

Однако в отличие от аристократичного «духовидчества» символистов, визионерство Волошина по-библейски открыто для слушателя и читателя, даже если те (пока) не стали людьми духовно или творчески близкими («Правду оплатят тебе клеветой, ругательством, камнем», – сформулирует он позже). Так, в 1905-1906 годах в Париже Волошин почти ежедневно общался с опальным «восьмидесятником»-позитивистом, сторонником натурализма в искусстве Александром Амфитеатовым (1862–1938). Несмотря на значительную разницу в возрасте и эстетике, вскоре оказалось, что оба они – знатоки исторической и оккультной литературы, «подмастерья» и патриоты, что оба писали из-за рубежа для Руси и для «Руси». Новый импульс развитие отношений Волошина с Амфитеатовым получило в связи с очередным ультрарадикальным (в политическом смысле) издательским замыслом последнего. С апреля 1906 года под редакцией Амфитеатрова в Париже стал выходить журнал «Красное знамя», цель которого в первом же номере – в

статье «От издателя» – была сформулирована предельно остро: борьба с царизмом «в самодержавной его наглости».

Видя в истории борьбу классов, а не оккультных сил (как Минцлова, «аргонавты», Волошин или Штайнер), Амфитеатров посмеивался над приверженностью «Чудодеев» к «кармической» интерпретации истории. Тем не менее, он высоко ценил «революционные» стихотворения Волошина, видя в них лишь один небольшой недостаток: для Александра Валентиновича они были чересчур «фразисто-вячеславо-иванистые». В первом номере своего журнала он охотно опубликовал цикл из двух стихотворений Волошина [7, с.72–73], который не назовешь иначе как пророческим (тематически и стилистически этот мини-цикл примыкает к т. н. «суворинскому», включающему в себя «Предвестия», «Казнь» и «Человечество»). Кстати, наиболее «острую» часть диптиха – «провиденциального» «Ангела Мщеня» – поэту вскоре удалось напечатать и в петербургской газете А. Суворина «20-ый Век» (1906, 29 июня), выходившей в 1906 г. вместо запрещенной «Руси». В марте этого года Волошин писал о потаенном смысле этого стихотворения невесте:

Амфитеатр[ов] вчера уверял меня, что «Русь» не напечатает «Ангела Мщеня», а если напечатает, то меня арестуют. Я что-то совершенно ему не верю. Все ... буквально все принимают это стихотворение за анархический призыв. Какая слепота охватывает людей в такие эпохи! Вот опять эзотеричность искусства — то, что должно остаться неведомым для «испивших хмельной отравы гнева», остается им неведомым, хотя оно сказано. Пожалуйста, давай его и читай его — это стихотворение как можно большему числу людей, мне кажется, что будут многие, которые поймут его так, как оно есть [цит. по: 14, с.379], — то есть at face value, как обращенное к «народу русскому» послание Ангела (ср. письмо домой из ссылки Иоанна — Откр. 2–3 — и «Наш Демон» Брюсова (1908). В этом контексте опять вспоминается Блок: «Насколько все это просто для художника, настолько же непонятно для обывателя, а что для обывателя непонятно, то для него и недопустимо» [5, 5, с.418].

Размышляя над «великой народной трагедией», которая в России еще не началась, хотя «уж занавес дрожит перед началом драмы» («Предвестия»), Волошин (как и в «переводе» «La Tete» Верхарна) напоминает русскоязычному читателю о Великой Французской революции. На этот раз он накрепко связал судьбы России и Франции лирическим мини-циклом, разбросав комментарий к нему в целом ряде статей 1905–06 годов: «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге», «Письмо из Парижа», «Дневник Людовика

XVI», «Гильотина как филантропическое движение», «Революционный Париж», «Во времена Революции», «Багатель», «Тайная доктрина средневекового искусства» и др. Наиболее обстоятельно и последовательно по проблеме циклической повторяемости революций – возмездия, «неизбежного, как биение кармического сердца», – Волошин высказался в лекции с двусмысленным названием «Предчувствия Великой Революции» (июнь 1906) [14, с.387]. Лекция была прочитана в Русской высшей школе общественных наук (которой тогда заведовал тот же Амфитеатров [2, с.135]) в противовес «позитивной» (т. е. позитивистской – У. И.) лекции о Французской революции «здорового» историка А. Трачевского (1838–1906). Волошин публично отозвался о ней как о «приноровленной для понимания десятилетних девиц» и был искренне возмущен, ведь это произносилось вольным каменщиком (пусть и «молодым») «в нескольких шагах от того места, где помещался когда-то клуб якобинцев, среди камней, пропитанных жертвенной кровью <...>, на которых еще горят прикосновения горячих пальцев, хватавшихся за них!» [10, с.99].

Свое – альтернативное профессору Трачевскому – прочтение событий Французской революции Волошин не только высказал во Франции «сплошь овеванным духом исторического материализма» [2, с.136] студентам «Русской школы» (лекция «Предчувствия Великой Революции»), но и опубликовал в России в журнале «Перевал» (№2 (ноябрь), 1906 г.) под заглавием «Пророки и мстители. Предвестия Великой Революции (1905)». Эта статья (которую кстати завершает «Ангел Мщеня») – один из ключей к анализу «амфитеатровского» мини-цикла [*1]. Цикл, несомненно, скреплен идеей революции, которая, по Волошину, всегда связана пароксизмом чувства справедливости людей и «биением кармического сердца» народов. *«В жизни человека [курсив мой – У. И.] есть незыблемые моменты, <...> которые повторяются в каждой жизни. <...> Подобными моментами в жизни народов [курсив мой – У. И.] бывают Революции»,* – писал поэт [9, с.193]. А так как «лучший пророк для будущего – прошлое» (Байрон), Волошин ищет ответы на вопросы о судьбе революционной России в истории «архетипичной» французской революции 1789 года. Последняя, как утверждал поверивший Э. Леви [21, с.471] поэт, была инспирирована тамплиерами:

21 января 1793 года находится в неразрывной связи с 18 марта 1314 года – днем, когда был сожжен Великий Магистр ордена Тамплиэров Яков Молэ. <...> В тех местах, где на стенах церквей и зданий тамплиэры вырубили свои тайные знаки и символы, страшные «знаки Рыб» во время Революции разразились кровавые безумства с неудержимой силой [9, с.205, 207].

Волошин был уверен, что католицизм и королевская семья во Франции восемнадцатого века пожали то, что посеяли в четырнадцатом. А поскольку и

у нас был свой Жак де Моле – неотмщенный протопоп Петров, – могли ли у «гностика-тамплиера» (как охарактеризовал Волошина С. Маковский) возникнуть сомнения в том, что русская революция «свободно» пойдет по проторенной французами колее?

«Желаешь двигаться вперед? Пожалуйста!»

Часть III. Голова принцессы Ламбаль

Откуда мне
сие?

М. Волошин. «Руанский Собор»
(1907).

Первое стихотворение цикла отсылает нас к одному из самых трагических событий Великой (Июльской) Революции – «сентябрьской резне» 2–5 сентября 1792 года. Тогда толпами народа (как учил Жан-Жак Руссо, доброго по природе своей) было совершено «стихийное» нападение на парижские тюрьмы и в течение трех дней было убито более тысячи арестованных политических заключенных, преимущественно отказавшихся принести присягу в верности свободе и равенству духовных лиц [26, с.222, 226]. После краткого допроса признанным виновными аристократам и католическому духовенству «сентябрьские убийцы» тут же перерезали горло – «освобождали» [16, с. 583], – при этом веря (как пишет Волошин), что они совершают «таинство священного очищения нации» [9, с.194].

Во время сентябрьских убийств какой-то таинственный старик громадного роста, с длинной бородой, появлялся везде, где убивали священников. «Вот вам за альбигойцев! – восклицал он, – вот вам за тамплиэров! Вот за Варфоломеевскую ночь! За севеннских осужденных!» [9, с.207] (ср. [21, с.472])

Даже отнюдь не «вегетарианское» (Ахматова) правительство молодой республики призадумалось, узнав, на что способна движимая духом Справедливости (а идея справедливости для Волошина неразрывно связана с понятием мести) «парижская голь». Революционная «месть <...> с чудовищной силой связывает в тугую пружину воли целых поколений, и пружина, *стягиваемая в течение столетий* [курсив мой – У. И.], вдруг развертывается одним чудовищным взмахом» [9, с.205].

Стягиваемая во Франции с ноября 1307 года пружина так развернулась в 1792-ом: 3 сентября «ангельской» Мари де Сомбрейль в обмен на жизнь отца, фельдмаршала Франции, возглавляемые тем же бородатым стариком «справедливые судьи» предложили произнести тост и выпить стакан еще

теплой – из перерезанного горла – крови «за народ» [21, с.473] (ср. [16, с.569] и Быт. 9:4). 4 сентября за отказ поклясться в ненависти к королеве, принцессе Мари-Терез Бурбон–Ламбаль отрезали голову и отнесли ее (голову) в старый дворец тамплиеров госпоже – на пике [16, с.577].

Штудировавший в Сорбонне орфизм и «ереси» (с их акцентом на декапитированных Орфее и Иоанне Крестителе) [20, 1, с.94], а «под крышами мансард» – алхимические трактаты (с их мотивом тела с отрубленной головой) поэт разглядел в народной вакханалии и танцующей на пике говорящей голове принцессы еще один страшный символ (ср. с легендой Иоаннитов [21, с.472], Мк. 6:28 и [39, с.28-49]). И откликнулся на этот эпизод, изложенный в «Истории Французской революции» Ж. Мишле и «Революционном неврозе» О. Кабанеса, рваными ритмами стихотворения «Голова принцессы Ламбаль (4 сент. 1792)». Особенно интересно противопоставить фотографическое (если не сказать «анатомическое») изображение мартиролога принцессы, сделанное «экспертами» – докторами Кабанесом и Нассом, – с картиной, нарисованной Волошиным. Вот уж, действительно, художнику может изменить жена, а хороший вкус ему изменить – не может:

О. Кабанес, Л. Насс [16, с.578-579]	М. Волошин [12, с.23]
<p>...убийца, по имени Шарль, замахнулся поленом на принцессу, находившуюся в бессознательном состоянии. Она замертво упала на грудь валявшихся трупов. Другой злодей, резник, по имени Гризон, своим ножом отрезал ей голову. Затем обезглавленный труп несчастной принцессы был предоставлен надругательствам рассвирепевшей черни. По мере того, как кровь, струившаяся из раны, заливала тело, специально приставленные люди обмывали его и грубо шутили при этом, обращая внимание толпы на его белизну. <...> Несчастной жертве отрезали груди, вскрыли живот, вынув внутренности. Один из злодеев обмотал их вокруг себя, вырвал ея сердце и даже, по уверению очевидца,</p>	<p>Это гибкое, страстное тело / Растоптала ногами толпа мне, / И над ним надругалась, раздела.../ И на тело / Не смела / Взглянуть я... / Но меня отрубили от тела, / Бросив лоскутья / Воспаленного мяса на камне...</p>

откусил его. «Все жестокое, дикое и зверское было совершено над принцессой Ламбаль», пишет другой современник. «Когда тело ее было уже подвергнуто всевозможным издевательствам, убийцы разделили его между собой на части, и один из них, отрезав половые органы, устроил себе из них усы».	
--	--

Первое «откровение великой революцией» Волошин, вероятно, испытал в 1893 году [18, с.57], стойкий же интерес к ней у поэта прослеживается как минимум с 1899 года. Впервые приехав в Париж, он два дня провел в Версале, оживляя в своем воображении «страшные симптомы великой революции» (письмо к А. Петровой от 13.11.1899). А через пять лет, став свидетелем Кровавого Воскресенья, уже *печатно* сопоставил французскую и русскую революции в статье «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге. Рассказ очевидца» (11.02.1905). Перечисляя знамения, предвещавшие неблагополучие царствованию Николаю Второму, – «японскую рану» 1891 года, катастрофу на Ходынке в момент коронования, Кровавое Воскресенье с тремя солницами, убитого жандарма по фамилии Романов и др., – Волошин связывает их с повторением хода истории перед Великой французской революцией – вплоть до совпадения имени замученного в 1789 г. французского «индентанта» и нынешнего петербургского градоначальника – Фулон [10, с.94], ср. [16, с.566].

Таким образом, «прочитав» в Петербурге предвестия и написав «Предвестия» (1905), Волошин с тех пор вплоть до окончания Гражданской войны искал ответ на текущие со-бытия в основном в двух источниках: у иудейских пророков и в истории Французской революции. «Я буду читать по теософии и по революции. Я хочу написать целый ряд стихотворений о революции», – делился он планами с М. Сабашниковой (письмо от 23.09.05) [18, с.58]. А через месяц в письме ей же новоиспеченный масон Великого Востока [2, с.138] высказался еще определеннее:

Мое старое политическое отношение рухнуло окончательно; мне необходимо подойти ко всему с совершенно новой – теперешней стороны знания. Как это связать с оккультизмом, какое отношение Русская революция имеет к духовному перевороту человечества в эти годы? Как подойти к ней с эзотерической точки зрения? <...> Я стараюсь ответ найти в Истор[ии] Франц[узской] Революции [цит по: 14, с.386].

Еще через месяц (9.12.1905) поэт признался Амфитеатрову в том, что *«все время поглощен был с головой [курсив мой – У. И.] французской*

революцией» и «совсем превратился в астральное тело» [14, с.386]. Наконец, только что законченное стихотворение «Голова принцессы Ламбаль» в годовщину казни Моле было отправлено невесте (ок. 17.03.1906 г. [18, с.59]) – с просьбой показать его только их конфидантке, теософу и визионеру Анне Минцловой, «чувствующей испарения старой крови больше всего» [цит. по: 22, с.103]. От последней скрывать что-либо было просто бессмысленно: как написал Волошин той же Сабашниковой 28.07.1905, «Ан[на] Р[удольфовна] <...> знает об нас гораздо больше, чем мы с Вами о себе знаем» [цит. по: 22, с.109].

Создается впечатление, что поэт еще сам не знает, как относиться к з/н/аписанному. Ему кажется, что «Голову принцессы» «не всем можно читать», он признается: «Мне было почти отвратительно писать это стихотворение. Но я не мог не написать его. Это мне не давало покою. И мне оно кажется хорошо в своем *ужасе*. Как какая-то тяжесть упала с плеч» [18, с.59] (ср. Иез. 33:9). Отметим, что подобное чувство Волошин испытывал и в случае с Верхарновской «La Tete», пересаживать которую на русскую почву ему было «жутко».

Часть IV. Ангел Мщенья

Где ты, наш демон?
Или бросил ты вверенный тебе народ
Как моряка без мачт и весел,
Как путника в глуши болот?
В. Брюсов. «Наш демон» (1908).

Как остроумно отметил еще в советское время В. Купченко, «в апреле [1906 г. – У. И.] *возник* [курсив мой – У. И.] «Ангел мщенья» [18, с.59]. Вероятно, имея ввиду не пасхальную «десятую казнь» (Исх. 11:5), а то, что помета «1905. Париж» под анализируемым стихотворением в первой книге стихов Волошина – такой же элемент текста, как и помета «1905. Январь. Петербург» под предшествующими «Ангелу Мщенья» «Предвестиями» [12, с.36]. Как бы то ни было, напомнив «народу русскому», что сделал народ французский в сентябре 1792 года со своими зажавшимися (буквально: даже в тюрьме они себе ни в чем не отказывали) священниками и аристократами, Волошин снова – как и в случае с «Головой» Верхарна – перебросил мостик из Франции восемнадцатого века в Россию двадцатого. Вывод, к которому пришел (и к которому пытается подвести читателя) изучивший историю «Великой Революции *с эзотерической точки зрения*» поэт, действительно страшен: так как «в настоящую минуту Россия уже *перешагнула круг безумия справедливости* [курсив мой – У. И.] и отмщения» [9, с.207], ее тоже ждет

«таинство священного очищения нации» – революция и гражданская война: «... И, где тебя нагайками хлестали, / Я „знаки Рыб” на стенах начерчу. / Я синим пламенем пройду в душе народа, / Я красным знаменем пройду по городам. / Устами каждого воскликну я «Свобода!», / Но разный смысл для каждого придам» [7, с.73].

«Если языками человеческими я говорю и ангельскими, но любви не имею – сделался я медью звучащею или кимвалом звенящим», – написал в Коринф св. Павел (1 *Кор.* 13:1, ср. *Коран* 27:16). Не касаясь здесь обсуждаемого Геноном вопроса о соотношении поэзии, «языка ангелов» и «языка птиц», констатируем очевидное: чтобы понимать послания Волошина, нужно понимать – как минимум – «языки человеческие». А на языке «сентябрьских убийц» (вряд ли знавших, что «тело – гроб») «освободить» [16, с.582] означало то же, что на языке убийц октябрьских – «к Духонину в штаб» («Терминология», 1921). Что же касается призывов к свободе, то в «окаанные дни» русской гражданской войны они во весь голос звучали как из красного, так и из белого станов [6, с.11]. Волошин (или Ангел Бездны?) опять оказался прав: «Языков разделению / Пришел конец! / Одне и те же речи / Живут в устах врагов» («Аполлион», 1915). «Сколько понадобилось лжи / В эти проклятые годы, / Чтоб разъярить и поднять на ножи / Армии, классы, народы? («Терминология», 29.04.1921) Как окажется позже, только за 5 месяцев «красного террора» в Крыму (дек. 1920 – апр. 1921) будет казнено около 30 тысяч человек – сколько во всей революционной Франции [20, 2, с.122].

Виктор Шкловский (участвовавший в гражданской войне *на той стороне*) всего через несколько лет после парижских медитаций Волошина столь же искренне попытается понять: где источник того огромного воздействия, которое оказывает большевистская пропаганда на массы? (Конечно, вспоминается «Восстание масс» Ортеги.) В чем причина этого мощного, непреодолимого влияния? Будучи «не социалистом, а фрейдовцем», Шкловский так объяснил феномен большевизма в России:

Человек спит и слышит, как звонит звонок на парадной. Он знает, что нужно встать, но не хочет. И вот он придумывает сон, и в него вставляет этот звонок, мотивируя его другим способом, – например, во сне он может увидеть заутреню. Россия придумала большевиков, как сон, как мотивировку бегства и расхищения, большевики же не виновны в том, что они приснились. *А кто звонил?* [36, с.8].

Ответ на этот вопрос у Волошина был уже в апреле 1906-го. «Звонил» сын Божий, вызвавшийся «сделаться духом лживым» (3 Цв. 22:19-23), сераф-прокурор (Иов 1:6, Зах. 3:1) Самаэль – князь воздуха (ср. Эф. 2:2) и

ангел суда, дух Иоанна Крестителя и магии [28, с.51], «кровавый Ангел тамплиеров, Ангел Справедливости и Отмщения» [9, с.208].

«Русь! На тебя дух мести мечной / Восстал и первенцев сразил; / И скорой казнию конечной / Тебе, дрожащей, угрозил» [15, с.361]. Знал ли Волошин периода «Ангела Мщенья» эти строки из «Cor Ardens» Вяч. Иванова (написанные, по свидетельству последнего, еще в 1904 году после первых поражений России в Японской войне) – недоказуемо. Не вызывает сомнений лишь то, что парижский корреспондент «Весов» и «Руси» – особенно после Руанского посвящения 1905 года – и сам был на многое способен. «И откуда ему сие? <...> Ведь это, местами, прямо Соломонова мудрость», – искренне удивлялся, читая «Скелет живописи» выдавший виды П. Перцов [24, с.336]. Осмелимся предположить, что между 1905-ым и 1918-ым годом (ко времени гражданской войны) Волошин сделал еще одно открытие. Согласно иудейской ангелологии периода второго Храма, семидесяти двум народам Яхве поставил архонтов – ангелов-водителей (см. Дан. 10:12-21, Деян. 16:9-10). Эпиграфом к циклу «Ангел Мщенья» в своей книге «Демоны глухонемые» (1919)

Выпросил у Бога светлую Россию Сатана,
Да очервленил ю кровью мученической.
Протопоп Аввакум,

Волошин, по-видимому, свидетельствовал, что Россия (по крайней мере, на определенный период времени), досталась Самаэлю. Если наше предположение истинно, то становятся понятными и уверенность Волошина в том, что России не страшна никакая *внешняя* угроза («не суйся, товарищ, в русскую круговерть!»), и его многолетнее стремление «выйти на контакт» с Сатаной, ошибочно объясненное Маковским «христианствующим гностицизмом», «соскальзывающим в игру с Люцифером» [25, с.150]. Тогда, вероятно, прав и О. Кандауров, утверждающий, что именно «с подачи» Волошина Булгаков отправил справедливого Воланда – в Москву.

Как бы то ни было, в период «амфитеатровского» цикла поэт был уверен, что антихристианская идея справедливости (Мф. 5:43, 44. Разве «восстановить справедливость» не значит «отомстить»?) – «мотор» большинства Великих Революций и войн. Она – «самая жестокая и самая цепкая из всех идей, овладевавших когда-либо человеческим мозгом, [так как] самые мягкие сердца <...> обращает в стальной клинок и самых чувствительных людей заставляет совершать зверства» [9, с.193]. «Я напишу: „Завет мой Справедливость“, – / И враг прочтет: „пошады больше нет“. /

Убийству я придам манящую красоту / И в душу мстителя вопьется страстный бред» – зараза «революционного невроза» [16, с.641], или «смертельные трихины» из эпилога «Преступления и наказания» – делающие людей «бесноватыми и сумасшедшими духи, одаренные умом и волей» (Волошин и позже использовал этот образ – в стихотворениях «Газеты», 1915 и «Трихины», 1917).

«Ариаднова нить к душе поэта – душа поэта» (А. Белый) [23, 3, с.806]. О том, что «действовать справедливо» – значит «истребить» (ср. Откр. 9:11), знал и поэт М. Кузмин. В «антисоветском» стихотворении «Не губернаторша сидела с офицером» он передает поручение Богородицы своему ангелу-хранителю – Михаилу, которому, кстати, в каббале соответствует сефира «Хесед» – а значит, и свойственно – Милосердие [38, 1, с.155; 34, с.348]: «Архангелу Владычица сказала: <...> / Я женщина. Жалею и злодея. / Но этих за людей я не считаю. / Ведь сами от себя они отверглись, / И от души бессмертной отказались. / Тебе предаю их. Действуй справедливо» [17, с.15].

Вдохновленный, в частности, книгами Кабанеса, Ленотра, Леви, Л. де Гассикура, Метерлинка, Сен-Виктора и исполнением собственных «прогностиков» Волошин и в дальнейшем неоднократно обращался к теме Справедливости и свидетельствовал от имени ее Ангела (черновик «Над полями Альзаса» [11, 1, с.407], «Аполлион», «Над законченной книгой», (ср. [1, с.7]), «Благословенье», «Поэту» и др.). В 1906-ом Волошин даже попытался классифицировать лики Справедливости, как они были явлены в конце XVIII века во Франции: **1.** Самая непоследовательная (т.к. ее критерием служит личная страсть к абстрактной «добродетели») – Справедливость Марата и «сентябрьских убийц»; **2.** «Справедливость во имя родины» Дантона – тоже жестокая, но целесообразная, «смягченная добродушием сильного зверя»; **3.** «Обманчивая Справедливость» Жан-Жака Руссо и жирондистов – во имя человечности; **4.** и, наконец, религиозная «справедливость во имя Справедливости», «Справедливость, висящая среди мира, как огненный меч гневного серафима» – самая страшная справедливость Сен-Жюста, «которая в самом звуке его имени отметила свое появление на земле» [9, с.195]. В доказательство Волошин приводит цитату из дневника этого самого эффективного инструмента Ангела Справедливости: «очевидно, Господу угодно было кинуть меня в среду этих извращенных, чтобы я, как меч, покарал их» [9, с.194].

Символично, что и свое поэтическое завещание – цикл «Путями Каина» (1922–1926) – Волошин начал, написав главу «Меч» (1.02.1922), в которой вспомнил и про «меч, пылающий в деснице Серафима» («символ земной

любви, карающей и мстящей»), и про неистовых якобинцев: «Не веривший ли в справедливость приходил / К сознанию, что надо уничтожить / Для торжества ее сначала всех людей? [ср. 9, с.193] / Не справедливость ли была всегда / Таблицей умноженья, на которой / Труп множили на труп, убийство на убийство / И зло на зло?»

Если справедливость – добродетель, а «добродетель без террора бессильна» [цит. по: 32, с.155], как утверждал ставший «Неподкупным» некогда милосердный, пишущий стихи адвокат Максимилиан [16, с.640], то нужна ли такая добродетель Христу? Не попросил ли Он Петра, «приклеивая» в саду отрубленное ухо врагу, вложить в ножны меч (Лк. 22:51)? Не этот ли евангельский эпизод заставил Герарда Дорна (Gerardus Dorneus) за 300 лет до Волошина (1602) утверждать: «D[eus] O[ptimus] M[agnus] [или же «Dominus»] внедрил в тайную тайн своих и решил из любви и сострадания, а также и требованиям справедливости повинаясь, изъять меч гнева из рук ангела» [цит. по: 39, с.37-38]?

О том, что проблема санкции в свершении космического правосудия прямо связана с проблемой трех мечей (Херувима Эдемского, Архангела Михаила и Ангела Апокалипсиса [*2]) и облаченной в красно-синие одежды девушкой восьмого аркана Таро, писал и современник поэта Валентин Томберг [31, с.155, 176] (ср. [1, с.7]). Как Дорн и Томберг, художник [5, 5, с.418] Волошин не мыслил истории человечества вне христианского герметизма [*3], а потому вряд ли случайно трижды и именно в первом, восьмом и последнем катренах (sic!) стихотворения упоминает меч (или пишет о трех мечах?), а колористика «Ангела Мщенья» – инфернальная, красно-черная – напоминающая «огнем и сумраком повитого» серафа «с мечом пылавшей Синевы» («Пролог», черновик [11, 1, с.408]).

Кстати, вкрапление синего («Я синим пламенем пройду в душе народа») заставляет вспомнить не только пламя преисподней – «Огонь синь» в «Молодце» М. Цветаевой (ср. [35, 3, с.301]) и синюю мантию Справедливости [31, с.155], но также и сине-лиловый сумрак, возмездием грозящий теургу (Блок) и уже ослепивший и обезумевший к 1906-му году любимого символистами Врубеля [5, 5, с.428, 434].

Девять десятых стихотворения представляют собой монолог Ангела Мщенья. Но последнее слово поэт все же оставляет за собой, призывая принимающих его «как есть» – «некоторых весьма немногих избранных, чистых, предназначенных начать новый род людей и новую жизнь» (Достоевский, ср. [9, с.189]), – навсегда отказаться от справедливости в пользу «святой жалости» – милосердия. Оно ведь, в отличие от наказания, «никогда не может быть преступлением» [21, с.94]. Пусть «науки [курсив мой

– У. И.], – как выразился герой последнего романа Белого Киерко, – пауков поедят» [3, с.313].

Часть V. Иудео-христианство для детей

«Отмщение Мне и
Аз воздам за зло».
М.Волошин Меч
(1922)

«Вы слышали, что было сказано: «Возлюби ближнего твоего и возненавидь врага твоего». А Я говорю вам: любите врагов ваших и молитесь за гонящих вас», – просил Христос (Мф. 5:43, 44). «Не мстите за себя, возлюбленные», – вторил Ему апостол Павел (Рим. 12:19). «Если кто имеет ухо, да услышит. Если кто ведет (συνάγει) в плен – он идет в плен; если кто убьет мечом – надлежит тому быть убиту мечом. Здесь терпение и вера святых» (Откр. 13:9-10) [40], – предупредил духовидец с Патмоса. Или же, в поэтическом переложении Волошина, Ангел Мщенья (ср. Мф. 13:39), а «Не сеятель сберет колючий колос сева, / Принявший меч погибнет от меча. / Кто раз испил хмельной отравы гнева / Тот станет палачом иль жертвой палача» (ср. Быт. 9:6). Недаром говорят: «Если ты собрался мстить, выкопай сразу две могилы», и евреи из года в год в первые две ночи праздника Пейсах (а именно в пасхальный период создавался анализируемый цикл) рассказывают детям притчу, содержание которой вкратце таково:

Хозяин купил козочку, но кошка ее съела. За это собака съела кошку, за это палка убила собаку, за это огонь пожрал палку, потом вода залила огонь, бык выпил воду, резник зарезал быка, Ангел смерти *зарезал резника*, а Господь – Ангела смерти, ибо, хотя каждый из них, начиная с собаки, был справедлив в своем суде, но самое право суда принадлежит не им [34, с.344].

В мире дольном «меч превратился в Христа, на древо креста взошедшего» (Г. Дорн [цит. по: 39, с.37-38]), а потому – как сказал смастерившему из двух палочек меч малышу учитель – «Он несравненно сильнее, когда его удержишь за лезвие» [35, 3, с.417].

Часть VI. Заключение и Выводы

Духа не угашайте.
Пророчества не
уничжайте
(1 Фес. 5:19, 20).

Дар пророчества, как считал Волошин, не угас и после смерти «печати пророков», поэта Мухаммеда. В программной статье «Пророки и мстители» Волошин даже предложил свою классификацию этого ценнейшего, по мнению св. Павла, дара Святого Духа [9, с.192] (ср. 1 Кор. 14:1). В ней поэт показывает, что пророки, предчувствовавшие приближение катастрофы, были во все времена. Св. Киприан (201?–258) и Лактанций (250?–325?) предвосхитили падение Римской империи в 6-ом веке, Мирабо-отец и Казотт предрекли террор «царства Разума» в 18-ом... Пророческие откровения Волошин узнает и в произведениях своих современников – Тютчева, Достоевского, Вл. Соловьева, Верхарна.

Но «для того, чтобы понять и разобрать пророчество раньше его осуществления, нужно не меньшее откровение, чем для того, чтобы написать его». Или, уже без обиняков, открытым текстом: «Нужно самому быть пророком, чтобы понять и принять пророчество до его исполнения» [9, с.192]. В 1905-ом и 1906-ом Волошин уже как минимум «понимал и принимал», войдя – как признал даже скупой на похвалы Брюсов – «в тот круг, из которого назад пути нет» [*4].

Трудно, не будучи (а, возможно, и будучи) погруженным в эзотерику, судить о степени «посвященности» масона и антропософа Волошина. Критический анализ практического руководства по «стяжанию Святого Духа» (св. Серафим Саровский) или «точного ясновидения, вытекающего из научных методов» (Р. Штайнер [цит. по: 19, с.84]), которым, как нам представляется, мог пользоваться Волошин, также приходится оставить более компетентным исследователям. Мы же, читающие в текстах поэта пророчество Культуры, констатируем:

1. Лирические циклы и статьи Максимилиана Волошина (который «писал стихи как статьи и статьи как стихи») составляют единое семантическое поле с абсолютно узнаваемой системой образных средств, мотивов и тем. На первый взгляд, образность Волошина тождественна символистской, однако при детальном рассмотрении обнаруживается стремление поэта к буквальному прочтению символов, возведению их в ряд «знамений». Количество символических образов в этом «визионерском» пространстве строго ограничено, характер определен «каноническими», то есть вызывающими доверие автора текстами.

2. В 1905-ом – 1906-ом годах, в основном благодаря интенсивному общению с символистами, теософами и франкмасонами полностью сформировалось теургическое мировоззрение поэта, вынуждающее не только *видеть эту действительность* сквозь призму Французской революции и Священной истории, но и активно влиять на нее. В стремлении «заклясть»

демонов русской государственности Волошин идет дальше большинства своих современников [11, 7(1), с.163], однако, он понимает, что прозрение народа зависит не только от персональной, но и от общей, разделяемой всеми духовной ответственности.

3. Вот почему в годы первой русской революции поэт транслирует образы и темы (ангелы, «Недобрый сеятель» и семя, весы и гири, меч и меч перевернутый – крест, искупление, эсхатология и апокалиптика), предвещающие, что пьеса о судьбе культуры обернется подлинной трагедией и будет исполнена до конца. Новые видения поэта-мистика, ошеломляющие, как «Герника» и «Каприччос», будут нечеловеческим усилием открыты пылающему миру в «военных» циклах второй поэтической книги Волошина – «Anno Mundi Ardentis 1915» [*5].

Примечания: *1. На значимость этой лекции для понимания историософии Волошина уже указывали В. Купченко, Э. Менделевич и Н. Грякалова, статьи которых [18; 27; 14] легли в основание настоящей работы. *2. Ср.: Откр. 6:4, 9:1-11 и 20:1-3. *3. В. Томберг (1900–1973) определяет герметизм как «синтез мистицизма, гнозиса, магии и науки» [31, с.155]. *4. Полная цитата из черновика письма Брюсова Волошину от 9.03.1906: «верьте, что я и после этого письма (как после своих нападок на Ваши переводы из Верхарна) неизменно ценю Вас как одного из «посвященных», из «избранных», уже вошедших в тот круг, из которого назад пути нет» [24, с.361]. *5. О них см. мои статьи в вестниках НТУ ХПИ № 52 (2008), №9 (2009) и вестнике ХНУ № 607 (2004). Чего стоило Волошину «сквозь ветер расслышать фразу, сложить слова и записать их» [5, с.423], можно догадаться по свидетельству немногословной Ф. Раневской. Выйдя утром 21.04.1921 из своей комнаты, поэт протянул приютившим его в Симферополе Раневской и П. Вульф стихотворение «Красная пасха». «На [его] испланном лице была написана нечеловеческая мука» [30, с.45]. Сказанное Блоком о Врубеле мы переадресуем Волошину: «Тех миров, которые видел он, мы еще не видели в целом, и потому удел наш – одним – смеяться, другим – трепетать» [5, с.422].

Список литературы: 1.А.А.С. Арканы Таро. Гравюры на дереве [Графика] / А. Сидоров. – Б. м., 1923. – 15 с. 2.Амфитеатров, А. Чудодей [Текст] / А. Амфитеатров // Воспоминания о М. Волошине [Текст]. – М.: Сов. Писатель, 1990. – С. 133–139. 3.Белый, А. Москва [Текст] / А. Белый. – М.: Сов. Россия, 1990. – 768 с. 4.Белый, А. Солнце [Текст] / А. Белый. – М.: Дет. Лит., 1992. – 255 с. 5.Блок, А. Собрание сочинений. В 8-ми томах [Текст] / А. Блок. – М. – Л.: Худож. Лит., 1960–1963. 6.Валентинов, А. Крымская эпопея [Текст] / А. Валентинов // Архив русской революции. В 22 т. Т. 5 – 6. – М.: Terra, 1991. – С. 5 – 101. 7.Волошин, М. Голова принцессы Ламбаль. Ангел Мщеня [Текст] / М. Волошин // Красное Знамя. Журнал политический и литературный. – 1906. – № 1. – С. 72–73. 8.Волошин, М. Записные книжки [Текст] / М. Волошин. – М.: Вагриус, 2000. – 174 с. 9.Волошин, М. Лики творчества [Текст] / М. Волошин. – Л.: Наука, 1988. – 848 с. 10.Волошин, М. Путник по вселенным [Текст] / М. Волошин. – М.: Сов. Россия, 1990. – 384 с. 11.Волошин, М. Собрание сочинений. 1900–1910 [Текст] / М. Волошин. – М.: Эллис Лак, 2003–2007. – Т. 1–7. 12.Волошин, М. Стихотворения. 1900–1910 [Текст] / М. Волошин. – М.: Гриф, 1910. – 130 с. (репринт). 13.Гаген-Торн, Н. Вольфила в Ленинграде в 1920–1922 гг. [Текст] / Н. Гаген-Торн // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 88–104. 14.Грякалова, Н. Переписка А. Амфитеатрова и М. Волошина [Текст] / Н. Грякалова // Минувшее. Исторический альманах 22. – СПб.: Atheneum, 1997. – С. 377–387. 15.Иванов, В. Родное и вселенское [Текст] / В. Иванов. – М.: Республика, 1994. – 428 с. 16.Кабанес, [О.] и

Насс, Л. Революционный невроз [Текст] / [О.] Кабанес и Л. Насс ; [пер. с фр. Е. Владимирова]. – СПб. : С. М. Проппер, 1907. – С. 547–744. **17. Кузмин, М.** Избранные произведения [Текст] / М. Кузмин. – Л. : Худ. литература, 1990. – 576 с. **18. Купченко, В. М.** Волошин о Великой Французской революции [Текст] / В. Купченко // Русская литература. – 1989. – № 3. – С. 57–67. **19. Купченко, В.** Странствие М. Волошина [Текст] / В. Купченко. – СПб. : Логос, 1997. – 544 с. **20. Купченко, В.** Труды и дни М. Волошина [Текст] / В. Купченко. – СПб. : Алетейя, 2002. – 2007. Кн. 1, 2. **21. Леви, Э.** Учение и ритуал [Текст] / Э. Леви ; [пер. с фр.]. – М. : Эксмо, 2004. – 704 с. **22. Левичев, И.** К истории создания цикла «Руанский Собор» [Текст] / И. Левичев // XIV Волошинские чтения. – Симферополь : Антикава, 2007. – С. 99–111. **23. Литературное Наследство.** Том 92. А. Блок. Новые материалы и исследования [Текст] / М. : Наука, 1980–1993. – Кн. 1–5. **24. Литературное Наследство.** Том 98. – В. Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2 [Текст] / М. : Наука, 1994. – 640 с. **25. Маковский, С.** Портреты современников [Текст] / С. Маковский. // Серебряный век. Мемуары. – М. : Известия, 1990. – С. 111–176. **26. Матъез, А.** Французская революция [Текст] / А. Матъез ; [пер. с фр.]. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. – 576 с. **27. Менделевич, Э. М.** Волошин и Великая Французская революция [Текст] / Э. Менделевич // «Пойми простой урок моей земли». – Орел : Труд, 2001. – С. 117–124. **28. Пиобб, П.** Древняя высшая магия [Текст] / П. Пиобб ; [пер. с фр.]. – СПб. : В. Я. Мильштейн, 1910. – 112 с. (репринт). **29. Плутарх.** Исида и Осирис [Текст] / Плутарх ; [пер. с греч.]. – К. : Учимм, 1996. – 252 с. **30. Раневская, Ф.** «Судьба-шлюха» [Текст] / Ф. Раневская. – М. : Аст, 2008. – 224 с. **31. Томберг, В.** Медитации на Таро [Текст] / В. Томберг ; [пер. с англ.]. – М. : София, 2008. – 608 с. **32. Фейерабенд, П.** Избранные труды по методологии науки [Текст] / П. Фейерабенд ; [пер. с англ. и нем.]. – М. : Прогресс, 1986. – 542 с. **33. Фридрих Ницше и русская религиозная философия** [Текст] / В 2 т. – Минск : Алкиона, 1996. **34. Ходасевич, В.** Из еврейских поэтов [Текст] / В. Ходасевич. – М. : Гешарим, 1998. – 416 с. **35. Честертон, Г. К.** Избранные произведения. В 3 т. [Текст] / Г. К. Честертон ; [пер. с англ.]. – М. : Худож. Лит., 1990. **36. Шкловский, В.** Сентиментальное путешествие [Текст] / В. Шкловский. – М. : Новости, 1990. – 368 с. **37. Шюре, Э.** Пророки Возрождения [Текст] / Э. Шюре ; [пер. с фр.]. – М. : Алетейя, 2001. – 344 с. **38. Энциклопедия оккультизма** [Текст] / Г. О. М [ебес]. – М. : Аверс, 1992. – Кн. 1, 2. **39. Юнг, К. Г.** Ответ Иову [Текст] / К. Г. Юнг ; [пер. с нем.]. – М. : Аст, 2001. – 384 с. **40. Berry, George Ricker.** Interlinear Greek-English New Testament. – Grand Rapids, MI: Baker Books, 2005. – 670 p. **41. Klaus, Georg und Buhr, Manfred.** Philosophisches Wörterbuch. – Leipzig: Veb Bibliographisches Institut, 1966. – 634 s.

Поступила в редколлегию 04.08.2009.

Рецензент: канд. филос. наук, доцент, А. С. Филоненко

УДК 111.6

В. В. АГЕЕВ, соискатель, Украинская инженерно-педагогическая академия

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. РАЦИОНАЛЬНОСТЬ. СВОБОДА

Розглядаються деякі аспекти співвідношення понять діяльності, раціональності, свободи. Зокрема співвідношення раціональності діяльності і свободи діяльності, свободи і несвободи діяльності. Зроблено спробу уточнення істинних визначень названих понять з метою подолання їх невинуватого використання у філософському побуті, багатозначності та розмитості. Аналізуються окремі суперечні моменти усередині даного предметного поля.